

АЛЕКСЕЙ

ТАДРИАТ

КРЫСА

КАЛУГИН

ВСЕ ПОД
КОНТРОЛЕМ

ТАДРИАТ

Алексей Калугин
Дело о картинах Ван Гога
Серия «Все под контролем», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161735
Все под контролем: Эксмо; Москва; 2002
ISBN 5-04-009364-0*

Аннотация

Трудна и опасна работа сотрудников Департамента контроля за временем! Но зато на их долю регулярно выпадает высокая честь раскрытия самых головоломных загадок истории...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алексей Калугин

Дело о картинах Ван Гога

Глава 1

Утро выдалось божественно прекрасным.

Небо сияло изумительно волшебной, кажущейся почти невозможной голубизной, для которой Винсент давно уже подбирал краски.

К сожалению, рассмотреть остальное мешала стена.

Винсент неторопливо направился к воротам.

Ворота, как всегда, были не заперты. Но обычно возле них сидел на табурете сторож, старик с неизменной потухшей трубкой в углу рта.

Анри Божеле. Так звали сторожа приюта для душевнобольных в Сен-Поль-де-Мозоле. Собственно, он почти все время дремал, сидя на низком неокрашенном табурете, оперевшись спиной о выбеленный столб. Его фигура являла собой некий сакральный символ, не понятный никому, кроме обитателей приюта, у каждого из которых при одном только взгляде на старика Божеле пропадало само желание пересечь черту, отделяющую территорию приюта от мира, лежащего за воротами. За те пять лет, что Анри Божеле исполнял обязанности сторожа в приюте, у него ни разу не возникло

непонимания с кем-либо из больных.

Но сегодня старика Божеле на месте не было. Возле чуть приоткрытой створки ворот стоял только его табурет.

Сей удивительный факт вызвал у Винсента легкое недоумение. В его понимании отсутствие старика Божеле на обычном месте было равносильно тому, как если бы таинственным образом исчезли сами ворота.

Винсент приблизился к воротам и тронул правую створку рукой. Металлическая решетка качнулась на петлях, тихо пропевших свою короткую скрипучую песню, знакомую каждому, кто хотя бы раз выходил за ворота.

Винсент выглянул за ворота лишь за тем, чтобы убедиться, что старика Божеле нет и там.

Вдоль ограды тянулась узкая грунтовая дорога, по которой редко кто проезжал. А чуть дальше, всего в нескольких метрах от обочины, начиналось поле, засаженное подсолнухами.

Не поле, а бескрайнее море фантастических желтых цветов.

Огромные круглые соцветия с большими корзинками, плотно заполненными крошечными оранжевыми цветками, окаймленные широкими ярко-желтыми лепестками, сидели на упругих зеленых стеблях, сгибающихся под этой тяжестью, и плавно качались из стороны в сторону, когда над полем пролетал легкий, едва ощутимый вздох ветра.

Винсент приподнял голову, чтобы взглянуть на неспешно

проплывающие над полем облака. Созданное самой природой сочетание голубого, желтого и белого цветов было настолько великолепным, что у художника на мгновение перехватило дыхание. Голова закружилась, а в ушах послышался слабый, отдаленный, протяжный звон, похожий на комариную трель. Перед глазами поплыли, накладываясь друг на друга, словно мазки, положенные широкой кистью, фрагменты картин, которые Винсент только собирался написать.

Винсенту было знакомо подобное состояние. Он неизменно погружался в него всякий раз перед тем, как приняться за новую картину. Прежде Винсент полагал, что это удивительное состояние даровано ему богом, который, выбрав его в качестве посредника, предоставил ему чудесную возможность не просто запечатлеть удивительные моменты окружающей его реальности, но раскрывать при этом внутреннюю суть предметов и образов, которые для подавляющего большинства людей чаще всего оставались невидимыми. Но врачи в приюте объяснили ему, что это не так. Посещающие его видения вовсе не божественное откровение, а всего лишь плод его больной фантазии. Поэтому, если он хочет чувствовать себя здоровым, ему следует бороться с видениями, гоня их прочь всякий раз, как только они попытаются овладеть его разумом.

У Винсента не было никаких оснований не верить тому, что говорили врачи. С тех пор, как он оказался в Сен-Польде-Мозоле, художник и в самом деле стал чувствовать себя

лучше. И, хотя видения посещали его все реже, он нарисовал много новых картин, перенося на холст то, что уже было явлено ему когда-то. А одну из карин, «Красную виноградную лозу», даже удалось продать. Купила ее дама, которую пригласил в приют один из врачей, предложив ей взглянуть на картины Винсента. Даму звали Анна Бош, и заплатила она за картину Винсента ровно четыреста франков. Винсент был на седьмом небе от счастья. «Красная виноградная лоза» оказалась первой картиной, которую ему удалось продать. Кроме того, что теперь у него имелись деньги, необходимые для покупки холста, красок и кистей, сам факт продажи свидетельствовал о том, что есть люди, которым удалось увидеть в картинах Винсента то, что он пытался до них донести.

Чтобы прийти в себя, Винсент сделал глубокий вдох. Достав из кармана пеньковую трубочку на тонком прямом чубуке, он аккуратно набил ее табаком и, сунув в угол рта, не спеша раскурил. Выпустив из уголка рта струйку сизого табачного дыма, Винсент вновь посмотрел на поле подсолнухов.

На этот раз на губах его появилась мечтательная, немного смущенная улыбка. Полуприкрыв глаза, Винсент задумался о чем-то своем. Время от времени он подносил к губам трубку и делал глубокую затяжку.

Так он стоял неподвижно возле открытых ворот приюта минут семь, пока в трубке не выгорел весь табак.

Выбив трубку о выбеленную стойку ворот, Винсент сунул

ее в карман и неторопливо зашагал в сторону поля.

Раздвинув обеими руками зеленые, мясистые стебли, Винсент погрузился в море подсолнухов, наполненное тихим шелестом листвы и тяжелыми, дурманящими запахами летнего полдня, смешавшего воедино ароматы сухой земли, подвядшей на солнце листвы, пыльцы, слетающей с оранжевых рылец миллионов крошечных цветков, и еще что-то, напоминающее о пчелином улье, соты в котором полны меда.

Винсент двигался вперед, не выбирая пути. Он не знал, куда и зачем идет. Он просто прокладывал себе дорогу среди стеблей подсолнухов. Время от времени, ладонью прикрывая глаза от острых солнечных лучей, он поглядывал на небо, как будто надеялся, что оттуда, сверху, ему будет явлен знак, узрев который он наконец-то поймет, верным ли путем движется.

Неожиданно поле кончилось.

Винсент вышел на выкошенную лужайку и чуточку удивленно посмотрел по сторонам. Причина его удивления крылась в том, что когда Винсент пробирался среди подсолнухов, видя вокруг себя только безбрежное желто-оранжевое, слегка колышущееся полотно, он почти поверил, что поле это никогда не кончится, поскольку оно и есть весь мир. И, вопреки расхожему мнению, жизнь – это тоже поле, которое каждому надлежит перейти.

Неподалеку виднелся крестьянский двор. Трехконный дом под двускатной крышей, чуть покосившийся сарай, хлев

с распахнутыми воротами и истоптанный скотиной двор были обнесены изгородью из двух длинных параллельных жердей, перекинутых от столба к столбу.

Винсент подошел к изгороди и, взобравшись на верхнюю перекладину, уселся на нее, поджав ноги, словно петух на насесте. Окинув взглядом двор, он не увидел ни единого живого существа, если не считать бабочки-капустницы, присевшей на конец топорщица, глубоко загнанного в чурбак колуна.

Что-то странное происходило сегодня в мире. Вначале от ворот приюта исчез старик Божеле, который никогда не покидал своего поста, а теперь еще и этот опустевший двор. Куда исчезли все люди?

Размышляя над этим вопросом, Винсент достал из кармана трубочку, набил ее табаком и не спеша выкурил.

Выбив трубку о перекладину изгороди, Винсент спрыгнул на землю.

Сначала он заглянул в хлев. Здесь царил полумрак. Свет проникал через узкие горизонтальные окошки, похожие на бойницы. Резко пахло теплым навозом и прелой соломой. Но, так же как на дворе, в хлеву не было ни единого живого существа. Не видно было даже кур, которые на каждом крестьянском дворе глупо топчутся тут и там, разрывая лапами землю и мусор, в надежде отыскать что-нибудь, что можно кинуть в набитый мелкими камешками желудок.

Винсент озадаченно покачал головой.

Выйдя из хлева, он направился к сараю.

Двери сарая были распахнуты настежь. Зайдя в помещение, Винсент увидел справа от себя длинный стол – две широкие, гладко оструганные доски, уложенные на козлы. На столе и вокруг него были рассыпаны золотистые стружки, наполнявшие воздух восхитительным ароматом древесной смолы.

Винсент взял лежавшую на краю стола соломенную шляпу с широкими полями. Шляпа была изрядно помятой и далеко не новой. Из прорех на тулье и полях торчали пучки бледно-желтой соломы. Покрутив шляпу в руках, Винсент надел ее на голову и медленно двинулся вдоль стены, на которой были развешаны столярные инструменты.

Так он дошел до противоположной стены с большим окном. Рамы со стеклами в окне не было, а широкая ставня, которой окно закрывалось на ночь, стояла снаружи, прислоненная к стенке сарая.

На краю подоконника, залитого золотистым солнечным светом, лежала вещь, которую Винсент никак не ожидал здесь увидеть. Это был черный, покрытый слоем смазки пистолет, выглядевший совсем как новенький. Винсент ничего не понимал в оружии, а потому не мог определить даже марку пистолета. Да ему это было и не интересно вовсе.

Винсент взял пистолет в руку. Ладонь почувствовала приятное тепло нагретого солнцем металла. Капля смазки потекла по запястью. Винсент поймал ее указательным паль-

цем другой руки, после чего вытер палец о край рубахи.

Винсент надавил большим пальцем на выступающую скобу затвора. Сухо щелкнула взводящая курок пружина.

Винсент посмотрел за окно, на расстилающееся от края и до края, залитое ясным июльским солнцем поле золотых подсолнухов, за которым не было видно даже крыш приюта, который он покинул, и улыбнулся – счастливо, как еще никогда в жизни.

Прижав ствол пистолета к тому месту с левой стороны груди, под которым явственно ощущались ровные, неспешные удары сердца, Винсент нажал на спусковой крючок.

Глава 2

Тимур Барцис, генеральный инспектор Отдела искусств Департамента контроля за временем, возвышался над огромным, тяжелым двухтумбовым столом как скала, как монолит, как вечная, незыблемая основа всех основ. Абрис этой впечатляющей своими масштабами композиции напоминал пирамиду, причем, как отметил про себя инспектор Малявин, скорее пирамиду Храма Солнца в Мачу-Пикчу, нежели погребальную египетскую.

Про стол, так же как про самого генерального инспектора, по Департаменту ходили легенды. Кто-то даже поговаривал, что стол этот, в достопамятные времена принадлежавший Леониду Брежневу, одному из правителей Советской Империи, до того приглянулся Барцису в бытность его оперативником, что, став генеральным инспектором, он не удержался и во время операции, проводимой под его контролем в середине 70-х годов XX столетия, умыкнул его прямо из Кремля.

Редкая возможность как следует изучить легендарный стол отнюдь не наполняла радостью души инспекторов Малявина и Фроста. Так уж повелось в Отделе искусств: вызов в кабинет генерального инспектора чаще всего не сулил оперативнику ничего хорошего.

– Итак, господа, – генеральный инспектор поднял голову и обратил свое красное, одутловатое лицо с огромным но-

сом-картошкой и высоко поднятыми широкими надбровными дугами в сторону инспекторов. Тяжелый взгляд медленно переместился с одного на другого.

Малявин зябко передернул плечами и, опустив глаза, принялся изучать носок своего левого ботинка. Фросту же пришла в голову безумная мысль побороться с генеральным инспектором взглядами. На это его спровоцировало, скорее всего, то, что он не ощущал за собой никакой вины. Но он совершенно упустил из виду тот факт, что вина – понятие весьма субъективное. И если сам ты не чувствуешь за собой никакой вины, то это вовсе не означает, что начальство придерживается на сей счет той же точки зрения.

Должным образом оценив тоскливый взгляд Фроста, генеральный инспектор решил начать именно с него.

– Может быть, вы перестанете строить мне глазки, инспектор Фрост, – медленно изрек он. – Я предпочел бы услышать ваше мнение о последнем Лондонском аукционе.

– Ничего особенного, – дернул плечом Фрост. – Ни одна из работ, выставявшихся в этом году на аукционе, не представляет интереса для нашего ведомства. Мемори-чип с компьютерной версией каталога мы с инспектором Малявиным приложили к нашему отчету и сдали в архив.

– В архив, значит, – как будто просто констатируя факт, Барцис пару раз вяло кивнул. – А как насчет двух новых картин Ван Гога, не внесенных в Каталог всемирного наследия? Их, выходит, тоже в архив?

Малявин, не отрывая взгляда от ботинка, меланхолично кивнул. Едва узнав о том, что шеф затребовал его с Фростом к себе, он уже понял, о чем именно пойдет речь.

Последние пару месяцев Винсент Ван Гог не давал старику покоя. Да и не только ему одному. Весь отдел передернуло два месяца назад, когда на традиционной весенней галерее в Киеве были выставлены сразу три новые, никому прежде не известные картины Ван Гога. Спустя пару недель на аукционе «Кристи» всплыли еще две новые работы Винсента. Барцис поставил на уши весь отдел, но, естественно, никаких следов таинственного обладателя неизвестных картин Ван Гога, неожиданно решившего расстаться со своим сокровищем, обнаружить не удалось. Торговцы искусством, которые были обязаны предоставлять Департаменту контроля за временем всю необходимую информацию, ничем помочь не могли – все сделки по Ван Гогу были заключены через подставных лиц. Торговцев такое положение дел вполне устраивало, поскольку в противном случае они рисковали потерять самых выгодных своих клиентов. А инспекторам Департамента оставалось только зло скрипеть зубами да грозить торговцам санкциями, которых те, как правило, не слишком-то боялись, поскольку государственные служащие всегда были вынуждены действовать в рамках закона, который они же сами и защищали, а у частных предпринимателей зачастую оставались лазейки, через которые они при каждом удобном случае пытались что-нибудь протащить.

Пять ранее неизвестных картин Ван Гога, появившиеся за две недели, – это, как ни крути, нечто выходящее за рамки обыденного. Поэтому критику, которую обрушил генеральный инспектор Отдела искусств на головы своих подчиненных, следовало признать вполне обоснованной. Однако со временем все как будто улеглось. Факт внезапного появления пяти картин Ван Гога сам по себе, несомненно, настораживал, однако никакого злого умысла за ним, похоже, не крылось. Новые работы великого голландца заняли свои места в Каталоге всемирного наследия, а сотрудники Департамента, забыв о Винсенте, занялись более неотложными делами. Впрочем, как оказывается, забыли о нем все, за исключением генерального инспектора.

Меланхолично ковыряя носком ботинка ковер на полу кабинета, Малявин пытался припомнить, чем он мог в последнее время прогневать судьбу? Почему еще две новые картины Ван Гога всплыли на всеобщее обозрение именно на том аукционе, на котором пришлось присутствовать ему с напарником? Разве мало на свете других мест, где торгуют картинами?

Как бы там ни было, выбранная Малявиным тактика отмалчивания оказалась более чем успешной. Генеральный инспектор только время от времени бросал на него косой взгляд, вроде как просто для того, чтобы не забыть о его существовании, но все внимание шефа было обращено на Фроста.

А Фроста словно вдруг прорвало. Вместо того чтобы повинно склонить голову, он вознамерился защитить свои честь и достоинство, прочитав Барцису вводный курс теоретической темпористики.

– Видите ли, господин генеральный инспектор, – уверенно начал Фрост. – Все дело в том, что время представляет собой не прямую линию, а спираль с длиной витков, варьирующейся в своей протяженности от ста до ста пятидесяти лет. Соответственно, и путешествие во времени представляет собой не путь по прямой, а, образно выражаясь, прыжок с одного витка временной спирали на другой. Используя темпоральный модулятор, мы можем попасть не в любой, какой пожелаем, день прошлого, а лишь в один из дней, сопряженных через определенное число витков временной спирали с днем сегодняшним...

Малявин, мельком взглянув на Барциса, заметил, что лицо генерального инспектора медленно приобретает багровый оттенок, подобно тому, как краснеет панцирь рака, брошенного в чан с бурлящим кипятком. Не успел Малявин мысленно отправить всем знакомым и незнакомым богам, к услугам которых прежде прибегать ему еще не доводилось, просьбу о том, чтобы его напарнику не пришло в голову объяснять генеральному инспектору принцип действия темпорального модулятора, как Фрост незамедлительно перешел именно к этому вопросу.

– Принцип сопряженности, открытый в семидесятых го-

дах двадцать первого века Стоцким, позволяет проникнуть в зону безвременья, заполняющую пространство между витками временной спирали, и, используя резонансные импульсы...

Тут уж Малявин счел необходимым вмешаться, хотя прекрасно понимал, что тем самым рисковал, подобно громоотводу, навлечь на себя заряд начальственного гнева, масса которого, судя по выражению лица шефа, была близка к критической.

– Я позволю себе перебить моего коллегу, – вклинился в речь Фроста Малявин, как только тот сделал короткую паузу, чтобы набрать в легкие воздуха, – поскольку вводная часть его речи грозит затянуться. – Он незаметно ткнул кулаком в спину попытавшегося было что-то возразить Фроста и открыто посмотрел в глаза генеральному инспектору. – Он просто хотел сказать, что из сегодняшнего дня мы можем переместиться на отрезок витка временной спирали, соответствующий 1864 году, когда Винсенту Ван Гогу исполнилось одиннадцать лет и о карьере художника он даже не помышлял. Следовательно, возможность контрабанды картин Ван Гога из этого года полностью исключена. Отрезок следующего витка временной спирали, сопряженный с сегодняшним днем, соответствует 1992 году. В это время Ван Гог уже признанный художник, давно ушедший в лучший мир, все его работы разошлись по музеям и частным коллекциям и занесены в каталоги. Исчезновение даже одной картины Ван Го-

га из 1992 года не могло остаться незамеченным. Не говоря уж о семи.

– Таким образом, – тоном, не предвещающим ничего хорошего, начал Барцис, – вы хотите убедить меня в том, что семь ранее неизвестных картин Ван Гога, появившиеся на торгах за последние два месяца, никак не могут быть предметом контрабанды из прошлого. А следовательно, и Департаменту контроля за временем нет до них никакого дела. Я правильно вас понял?

Прежде чем Малявин успел взвесить и всесторонне оценить реплику шефа с тем, чтобы подобрать тот единственный правильный ответ, который позволил бы обоим инспекторам избежать дальнейших неприятностей, Фрост уже радостно воскликнул:

– Вы, как всегда, ухватили самую суть проблемы, господин генеральный инспектор!

Малявин был уверен, что после такого Барцис непременно взорвется. Но, вопреки столь неутешительному прогнозу, генеральный инспектор сумел сохранить присущее ему ледяное спокойствие и каменное самообладание.

– Ну вот и отлично, – гораздо тише, чем обычно, что в данной ситуации также следовало расценивать как дурное знамение, произнес он. – Поскольку совместными усилиями мы установили, что в темпористике я кое-что смыслю, самое время и вам, господа инспекторы, продемонстрировать свои способности. На это у вас ровно неделя. В следующую среду

вы, вот в этом самом кабинете, поведаете мне о происхождении семи ранее неизвестных работ Ван Гога. До этого времени можете быть свободны.

Констатируя тот факт, что сегодняшний разговор завершен, генеральный инспектор припечатал к лакированной поверхности стола широкую, тяжелую ладонь.

Глава 3

Малявин первым рванулся к выходу.

Фрост, несколько подзадержавшись на старте, едва сумел догнать его в коридоре.

– Ты в своем уме?! – не глядя на напарника, севшим от возмущения голосом зашипел Малявин. – Не смог придумать другого развлечения, кроме как начать злить старика?!

– Я почувствовал, что он собирается повесить на нас это мертвое дело! – в искреннем порыве оскорбленной добродетели взвился на дыбы Фрост, по-прежнему не чувствующий за собой никакой вины.

– Отлично! – вскинул руки к потолку Малявин. – Только не мни себя Кассандрой! То, что мы получили дело, вовсе не подтверждает твои провидческие способности, а свидетельствует о том, что усилия, которые ты для этого приложил, не пропали втуне!

Выплеснув разом все свое возмущение безответственным поведением напарника, Малявин почувствовал себя значительно лучше. Остановившись возле кафе-автомата, он уже почти спокойным голосом спросил:

– Тебе кофе взять?

– Да, – угрюмо кивнул Фрост. – Черный, с тремя кусками сахара.

– Знаю, – буркнул Малявин.

Глава 4

В кабинете Фрост первым делом схватил с полки толстенный каталог «Античное искусство» и, широко размахнувшись, что было сил шархнул книгой по столу.

– Когда я в должности стажера пришел в Департамент контроля за временем, мне предложили на выбор три отдела: наркотики, нравы и искусство, – Фрост раскрутил за спинку вращающееся кресло и, точно угадав момент, прыгнул в него. – Я выбрал Отдел искусств, решив, что это самое спокойное место. С тех пор я вот уже одиннадцатый год ежедневно убеждаюсь в том, как глуп был в молодости.

Сделав последний оборот, кресло остановилось. Фрост посмотрел на коллегу в надежде найти в его взгляде сочувствие или, на худой конец, хотя бы понимание. Но вместо этого обнаружил лишь неизбывную тоску.

– Я слышу это от тебя всякий раз после того, как мы выходим из кабинета шефа. – Малявин поставил перед напарником пластиковый стакан с кофе. – И вот что я думаю: если бы с того дня, когда ты начал работать в Отделе искусств, ты поумнел хотя бы на йоту, то сегодня дело о неизвестных картинах Ван Гога досталось бы не нам.

– А при чем здесь я? – обиженно развел руками Фрост. – Старик с самого начала задумал скинуть на нас это дело.

– Напрасно ты так думаешь, – недобро усмехнулся Маля-

вин. – Решение о передаче дела нам Барцис принял только после твоего блестящего выступления.

– С чего ты это взял?

– Наблюдательнее надо быть, коллега, – Малявин снисходительно похлопал напарника по плечу. – У старика под рукой лежал лист бумаги, на котором красным карандашом было написано: «Первое. Малявин и Фрост – Лондонский аукцион. Второе. Герасимов – Ван Гог». После того как ты помог старику уяснить принцип действия темпорального модулятора, его рука, не дрогнув, вычеркнула второй пункт.

– Я действовал в наших общих интересах, – убежденно заявил Фрост.

– А, что теперь толковать об этом... – вяло махнул рукой Малявин.

Присев на угол стола, он сделал глоток кофе и недовольно поморщился. Наладчик, два дня ковырявшийся в автомате, так и не смог научить его готовить напиток, соответствующий названию. То, что наполняло стакан, походило на кофе только цветом и температурой, но никак не ароматом.

– С чего предлагаете начать расследование, коллега? – отставив стакан в сторону, воззрился на напарника Малявин.

– Но ты-то понимаешь, что эти картины никак не могут являться контрабандой из прошлого? – с надеждой посмотрел на него Фрост.

– Это я понимаю, – кивнул Малявин. – Чего я никак не могу понять, так это того, откуда в XXII веке могли появиться-

ся семь! – Акцентируя внимание на этой цифре, Малявин поднял указательный палец. – Семь ранее неизвестных картин Ван Гога! Если у тебя имеются на этот счет какие-то соображения...

– Неожиданная находка где-нибудь в запасниках исключается? – на всякий случай спросил Фрост.

– Абсолютно, – покачал головой Малявин. – Случайно могла бы затеряться одна картина, но никак не семь.

– А как тебе гипотеза насчет династии безумных коллекционеров, прятавших все это время картины Ван Гога в своем фамильном склепе? – предложил новую версию Фрост.

– Это звучит уже лучше, – сохраняя серьезный вид, кивнул Малявин. – Но нам придется представить шефу главу этой спятившей семейки.

– Если серьезно, у меня нет абсолютно никаких идей, – безнадежно покачал головой Фрост.

– Аналогично, – тяжело вздохнул Малявин. – И все же нам нужна для начала хоть какая-то версия, за разработку которой можно взяться.

– Что мы имеем, – Фрост приготовил раскрытую ладонь, с тем, чтобы начать загибать на ней пальцы. – Семь интересующих нас картин Ван Гога не могли быть переправлены контрабандным путем из прошлого. Версию о неожиданной находке в наше время мы тоже исключаем. Следовательно... – Фрост сделал многозначительную паузу. – Это не Ван Гог.

– Подделка? – спросил Малявин.

– Единственное возможное решение, – ответил Фрост.

– А как же заключения экспертов?

– Эксперты, работающие на торговцев произведениями искусств, получают свою долю от выручки, а потому заинтересованы в том, чтобы картины были оценены как можно дороже. Ну а что касается музейных экспертов, то им, возможно, и удалось докопаться до истины, вот только не хотят они признаваться в том, что ценное приобретение оказалось на самом деле всего лишь умело сработанной подделкой.

Малявин потер рукой подбородок.

– Звучит вполне правдоподобно, – сказал он. – Остается только получить доказательства.

– Две из пяти картин приобретены Цветаевским музеем, – улыбнулся Фрост. – С него и начнем.

Глава 5

Спустя два часа инспекторы сидели в кабинете директора Цветаевского музея, имея на руках санкцию ответственного эксперта Департамента контроля за временем, удостоверяющую необходимость дополнительной экспертизы недавно приобретенных музеем картин Ван Гога «Нарциссы» и «Мост над бурными водами».

Ознакомившись с предоставленной ему бумагой, директор тяжело вздохнул.

– Так и знал, что с этими двумя картинами возникнут проблемы, – признался он. – Но удержаться от их приобретения не смог. Это подлинные шедевры Ван Гога, ставшие украшением нашей коллекции.

– Какие именно проблемы вы имели в виду? – тут же поинтересовался Фрост.

– Не знаю, – растерянно пожал плечами директор. – Но вот вы пришли, а значит, и проблемы возникли... Я же здравомыслящий человек и понимаю, что просто так, ниоткуда в XXII веке картины Ван Гога возникнуть не могут.

– Ну, пока мы никаких претензий к вам не имеем, – заверил директора Малявин. – Мы просто хотели бы взглянуть на картины и взять на экспертизу образцы использованных в них материалов.

При последних словах инспектора директор болезненно

поморщился, словно это у него собирались брать образцы живой плоти.

– Картины выставлены в зале, – сказал он. – Если не возражаете, мы взглянем на них прямо там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.